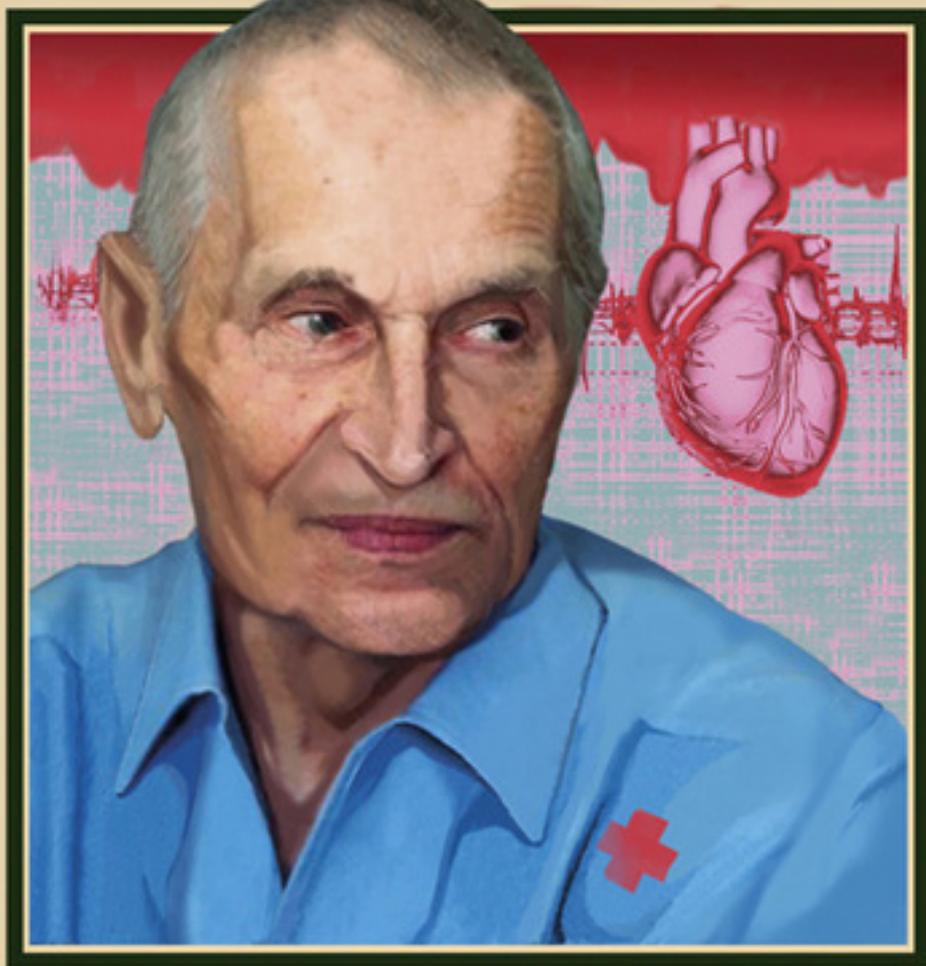

НИКОЛАЙ АМОСОВ

ЗНАМЕНИТЫЕ УКРАИНЦЫ

FOLIO

Мария Згурская
Николай Амосов

«Фолио»

2010

Згурская М. П.

Николай Амосов / М. П. Згурская — «Фолио», 2010

Амосов – один из пионеров советской сердечно-сосудистой хирургии – оставил человечеству тысячи спасенных жизней, несколько десятков книг и свою знаменитую гимнастику. Хирург-кардиолог и специалист в области кибернетики, ведущий специалист в СССР по операциям на сердце за годы творческой деятельности провел свыше 6 тысяч операций на сердце, впервые в стране произвел протезирование митрального клапана сердца, создал и первым в мире стал использовать искусственные сердечные клапаны с покрытием. Его научные работы посвящены хирургическому лечению болезней легких, сердца, кровеносных сосудов, медицинской кибернетике.

© Згурская М. П., 2010

© Фолио, 2010

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ДЕТСКИЕ ГОДЫ. СЕМЬЯ И ШКОЛА	6
ЮНОСТЬ. ТЕХНИКУМ И ПУТЬ В МЕДИЦИНУ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

М. Згурская

Николай Амосов

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вряд ли кто-нибудь подвергнет сомнению, что именно деяния Николая Амосова на поприще врачевания, медицинской науки и биологической кибернетики в сочетании с самобытным литературным творчеством во многом способствовали подъему интеллектуального имиджа Украины в XX столетии и начале XXI.

Амосов – один из пионеров советской сердечно-сосудистой хирургии – оставил человечеству тысячи спасенных жизней, несколько десятков книг и свою знаменитую гимнастику. Хирург-кардиолог и специалист в области кибернетики, ведущий специалист в СССР по операциям на сердце за годы творческой деятельности провел свыше 6 тысяч операций на сердце, впервые в стране произвел протезирование митрального клапана сердца, создал и первым в мире стал использовать искусственные сердечные клапаны с покрытием. Он автор более 400 научных трудов, среди которых 19 монографий. Его научные работы посвящены хирургическому лечению болезней легких, сердца, кровеносных сосудов, медицинской кибернетике. Широкую известность Амосову принесла разработанная им самим оздоровительная программа «Три тысячи движений в день», подразумевающая комплекс оздоровительных процедур: трехчасовые пешие прогулки, бег и упражнения с гантелями. Николай Михайлович написал также множество научно-популярных книг. Его произведение «Голоса времен» переведено на более чем 30 языков мира.

ДЕТСКИЕ ГОДЫ. СЕМЬЯ И ШКОЛА

Николай Михайлович Амосов родился 6 декабря 1913 года в небогатой крестьянской семье в селе Ольхово около Череповца. Как писал он сам в автобиографической книге «Голоса времен»: «Все предки были крестьяне. Мама была акушеркой в северной деревне, недалеко от города Череповца. Жили очень скудно: мама не брала подарков от пациенток. Так она и осталась для меня примером на всю жизнь. Отец нас оставил, поэтому вся семья для меня была в маме. Самый идеальный человек: на всю жизнь. Бабушка научила молиться, крестьянское хозяйство – работать, а одиночество – читать книги».

Сказать, что мать много значила для будущего светила медицины, значит не сказать практически ничего. Его отец, по определению самого Амосова, из полукрестьян-полурабочих, подверженный «семейной страсти» к горячительным напиткам, как уже говорилось, рано оставил семью и не имел на сына практически никакого влияния. Впрочем, обычно приходящая на ум в таких обстоятельствах характеристика маменькиного сынка здесь абсолютно неприменима – сын, воспитанный матерью, взявший от нее лучшие качества и развивший их в превосходной степени, стал выдающейся личностью во многом благодаря именно ей.

Елизавета Кирилловна Амосова (в девичестве Никанорова) была женщиной непростой судьбы и неординарного характера. Происходила она родом из деревни Суворово Чорозерского района севера Вологодской области. По воспоминаниям Амосова: «20 домов, „медвежий угол“ – буквально! Охота на белку, на лис, на медведей». История этих мест не знала помещиков – крестьяне считались «казенными».

Дед ученого жил довольно зажиточно, имел крепкое, но примитивное хозяйство почти на уровне XIV века: соха, деревянная борона, лошадь, две коровы, десяток овец. Но наемным трудом не пользовались, хоть и хлеба своего не хватало, все работы выполняли члены большой семьи. Имелась даже маленькая лавочка – подспорье к охоте и хозяйству.

В семье Никаноровых было пять сыновей и две дочери. Мать Николая была старшим ребенком. Николай Михайлович вспоминал в «Автобиографии»: «дядя Павел – чекист с 18-го года, дослужился до генерала, арестован, расстрелян в 1937-м. Тетка Евгения – колхозница, посажена „за колоски“, умерла в тюремной больнице. Слышал, что еще двух дядей убили под Сталинградом».

Елизавета Кирилловна родилась в 1884 году. Была не по годам умной и развитой девочкой, очень рано научилась хорошо считать и читать, с детства лучшим времяпрепровождением считала книги. На чтении она и «погорела»: в семейную лавочку, где она как главный семейный счетовод вела всю бухгалтерию, отнюдь не переполненную покупателями (все-таки «медвежий угол»!), стал захаживать парень из соседней деревни, на литературной почве завязался роман. Пылкость чувств дала свои плоды, а свадьба не состоялась. Родилась девочка – старшая сестра ученого Мария, Маруся. Жизнь Елизаветы после родов сильно осложнилась. Для северной деревни того времени «принести в подоле» – позор, замуж никто не возьмет. Чтобы замолить «девичий грех», бабушка водила ее пешком в Соловецкий монастырь.

Дед решил устроить судьбу дочки: учить. Отвез в город Кириллов к знакомым, нашли учителя, который стал готовить Лизу к экзамену экстерном за четыре класса гимназии. Занималась она много, экзамен выдержала и поступила в школу повивальных бабок в Петербурге. Проучилась там три года и стала акушеркой.

Впоследствии Амосов писал: «В памяти мало что сохранилось из ее рассказов о жизни в столице. Жила очень бедно, но интересно. В Питере мама стала, скажем так, „среднеинтеллигентным“ человеком. И даже – атеисткой, хотя и не воинствующей». дед Никаноров посылал совершенные гроши, на жизнь она зарабатывала дежурствами в клинике при богатых пациентах. Но все равно вспоминала свое студенчество как праздник. Было много бедных слушатель-

ниц, они всем интересовались, бегали по лекциям и собраниям, ходили в театры на галерку, читали и спорили.

В 1909 году земство предоставило Елизавете Никаноровой место акушерки фельдшерского пункта в селе Ольхово Череповецкого уезда Новгородской губернии – в 25 км от Череповца. В Ольхово она самоотверженно трудилась многие годы и там же закончила свои дни. Фельдшеры сменились несколько раз, а она так и оставалась той же «Кирилловной» – так ее звали по всей округе.

Работа сельской акушерки была тяжелой, медпункт обслуживал десять-двенадцать деревень и сел в радиусе десяти километров – шесть-семь тысяч жителей. Ближайший врач находился далеко – в Череповце. В медпункте (или «аптеке», как его звали крестьяне) работали фельдшер (который был не всегда) и акушерка. Со слов матери Амосова, в начале двадцатых годов «аптека» оставалась такой же, какой была еще при земстве: три комнаты – ожидальня, приемная, где фельдшер или акушерка вели прием больных, и сама аптека – шкафы с лекарствами, стол, где приготавливались лекарства.

В воспоминаниях раннего детства Амосова мать всегда была в работе – днем прием больных, съехавшихся со всей округи, иногда до трех десятков в день, и даже ночью часто бывали выезды на дом. Основная работа акушерки – принимать роды на дому, от 100 до 150 родов в год. Две трети из них – в других деревнях, иногда за 8—10 километров. Порой она задерживалась на сутки, на двое – у «первородящих». Будущий врач писал: «Мы постоянно жили при родах. Каждый третий-четвертый день мама уезжала или уходила со своими вещами. Иногда с одних родов прямо на другие, потом – на третьи. По неделям дома не бывала. А мы с бабушкой жили в постоянной тревоге. У мамы за двадцать четыре года работы, на три с лишком тысячи родов, умерла одна роженица. Пятерых она возила в Череповец, там им делали операции, и, кажется, тоже все остались живы. Видимо, деревенские женщины были крепкие, тренированные. Было в интеллигентской среде слово „бессребреник“, тот, кто „не берет“. Акушерки всюду принимали (и теперь грешат!) подношения – „на счастье дитя“. Так вот, моя мама – не брала. При крайней бедности, во все времена. Вообще никогда не видел лжи, хитрости, всегда доброжелательность и доверие к людям. Все о ней так говорили. Не хочется говорить банальности, но работа была главным смыслом в жизни. Она жила жизнью деревни и ни за что не хотела ее менять».

Возможно, что именно эта вошедшая «с молоком матери» реальность медицинского труда и стала толчком к следованию по извилистому и нелегкому пути, приведшему Н. М. Амосова в медицину. Хотя в свои ранние годы он был очень далек от врачебного дела, даже учиться сначала пошел по технической части – первый диплом получил в механическом техникуме, затем учился во Всесоюзном заочном индустриальном институте, – но, видимо, все-таки первые зароненные в душу в детстве зерна бескорыстного служения людям принесли свои плоды и определили призвание на всю жизнь. Амосов в автобиографических книгах (а все его книги, по сути, автобиографии) писал о своем кредо, идущем от матери – сельской акушерки, не потерявшей ни одной роженицы.

Получив направление в Ольхово и приехав туда, Елизавета Никанорова поселилась со своей будущей подругой – учительницей Александрой Николаевной (Шурой) Доброхотовой, вчерашней гимназисткой. (Впоследствии, когда Николай Амосов уйдет из родительского дома в «самостоятельную жизнь», именно у Шуры Доброхотовой найдет он пристанище, но об этом в свое время.) дружба Лизы и Шуры продолжалась всю их жизнь.

Вскоре состоялось и знакомство Елизаветы с будущим мужем, Михаилом Амосовым. Ему было лет 25, и, как писал о нем впоследствии сын, он был «с претензиями на интеллигентность».

Ольхово было в те годы довольно большим селом – двести домов, центр волости. Главная улица протянулась на три километра, но мостовых не было, и грязь осенью и весной была

непролазная, летом – пыль. На самом дальнем конце села над рекой стояла двухэтажная школа, на противоположном – километрах в двух – находился дом семьи Амосовых.

Позже он вспоминал: «Село Ольхово при нэпе помню отлично. Бабушка говорила, что так же было и при царе. Жили бедно. Корова, лошадь, пара овец, куры. Посевы – 3–4 гектара. Многодетные бедствовали: хлеб – не досыта, с добавками картошки. Мясо – только в праздники и в страду. Молоко – в обрез. Самые бедные одевались в домотканое. Но лапти носили только на покос и в лес – уже была культура. Сельский кооператив с маслодельней и „лавкой“ был центром общения. Правда, была изба-читальня, она же клуб. Кино стали привозить в 1924 г. Разнообразие в жизни создавали престольные праздники. Политических страстей не помню. При нэпе крестьяне были лояльны к власти».

Амосовы были небогаты, но жили сравнительно хорошо: дом крепкий, под железной крышей, имелся «зимний дом» – большая кухня с двумя маленькими светелками и «летний дом» – по городскому типу: кухня и три комнаты. К дому – через сени – примыкал скотный двор с большим сеновалом. На участке был огород и сад с яблонями, малиной и смородиной. Во дворе – свой собственный колодец, над которым высился журавль. Как вспоминал потом Н. М. Амосов, это, «в общем, было нормальное хозяйство, называлось – середняцкое».

По крайней мере два поколения Амосовых, до Михаила Амосова, были полукрестьяне-полурабочие. По семейным рассказам, когда-то предки выкупили себя у барина. Летом они занимались хозяйством, а зимой глава семьи со старшими сыновьями уезжал работать на завод, занимавшийся изготовлением железных изделий. Отец – мастером, сыновья – простыми работниками. Сохранилась чугунная плита на могиле отца: «Мастеру Амосову Ивану». Впрочем, сыновья рано разлетелись из отцовского дома, после чего дед на завод ездил уже один.

Кроме деда с бабкой в семье было три сына и три дочки. Все бы хорошо, но были у мужской половины две страсти – к лошадям и к спиртному. Мать Николая долгое время боялась, что это пристрастие может оказаться наследственным, и переживала за сына.

Азартная страсть к лошадям угасла со смертью деда, а пристрастие к водке перешло к его детям и внукам; пожалуй, только Николай и был свободен от него.

Дед Амосова по отцу был «чудный человек, добрейшей души... кабы только не пил. Но и пьяный был хороший, бывало, в праздник всех зазывал выпить. Лошадей менял. Все цыгане его знали. Будто из-за лошадей и помер: ехал из города в распутицу, гнал... конь был хороший („два часа на небеса!“), провалились под лед, едва выбрались. Стал болеть, водянка, и умер...» Бабушка вспоминала: «Бывало, в войну, уже больной, ходить не мог, везет телегу, сядет верхом, тебя на руки возьмет и скажет: „детки выросли не хозяева, может, ты крестьянствовать станешь?“»

Бабушка Амосова по отцовской линии, Марья Сергеевна, в отличие от деда, была властной женщиной, на ней держалось все хозяйство. Родилась она еще крепостной, но в крепкой семье, грамоте так и не выучилась.

Марья Сергеевна категорически противилась браку между Михаилом и Елизаветой. Она наотрез отказывала Елизавете из-за внебрачной дочери и к тому же имела на примете богатую невесту для Михаила. Даже уговорила деревенского священника, чтобы тот не венчал молодых, и им пришлось обращаться в другой приход.

Против воли свекрови Елизавета вышла замуж за Михаила Амосова через три года после знакомства. Та сначала невзлюбила невестку – «взяли с приплодом», а век пришлось доживать с ней. Другие дети выросли, отделились, все жили неплохо. Когда отец Н. М. Амосова бросил семью, бабка осталась с Елизаветой и Николкой, не захотела идти к дочерям или к другим невесткам. Умерла она от рака мочевого пузыря, страдала от болей, но Елизавету, уставшую после вызовов, не беспокоила. Амосов вспоминал, что хотя между женщинами не было произнесено много слов – не грешили в семье патетическими речами, – свекровь простила строптивую невестку, они примирились, хотя и поздно.

Хирург вспоминал: «Меня воспитала мама, но вышел я – Амосовым, а не Никаноровым. Получается: гены». От Марьи Сергеевны Амосов унаследовал рациональность и даже в чем-то – прижимистость, силу воли, строгость к себе, умение судить и признавать свои ошибки. Последнее качество красной нитью проходит по всей его жизни.

Дядя и тетки Амосова тоже были весьма интересными людьми, их биографии могли бы лечь в основу семейного романа-хроники. Так, Александр Амосов работал в Питере на заводе и вышел в первоклассные мастера. Талант, умница, изобретатель, он имел патенты и хорошо зарабатывал. Но пил. В 1918 году вернулся в Ольхово. Там работал механиком на мельнице, поэтому семья его не бедствовала. Но жизни не было. Умер он от пьянства, оставив без средств четверых детей. Младший брат, Иван Амосов, окончил техническое училище в Череповце, то же, что и впоследствии Н. М. Амосов. Был эсером, погиб в 1918 году в стычке с большевиками. Тетя Катя выучилась на акушерку, с ней у Амосова сложились очень теплые отношения, которые прошли сквозь годы. Свою дочь впоследствии знаменитый хирург назовет в ее честь.

Отец Амосова окончил двухклассное училище. Был вполне грамотным, в юности поработал в Рыбинске, у брата Васи, поднабрался культуры. Несомненно, много читал. Вместе с братом Иваном собрал порядочную библиотеку: классика, политика (и Маркс, и Ленин), философия, история. Это собрание книг, прочитанное в юности Амосовым, стало фундаментом его интереса к серьезному научному знанию: «Отцовы книги и меня вывели в люди. Эсеры с их лозунгом: „В борьбе обрешь ты право свое!“».

Николай Амосов родился незадолго до Первой мировой войны, к ее началу в 1914 году ему было восемь месяцев. Время было тяжелое, отпусков по беременности и родам не было. Мать работала очень много, для Николая взяли няньку. Бабушка была против «такого барства», но ей пришлось смириться, тем более что в связи с выездами на роды материнское молоко пропало и ребенка пришлось кормить искусственно. Детская диетология того времени диктовала свои правила, и нянька должна была все делать по тогдашней науке: кипятить, протирать, разбавлять. Поэтому в детстве Николай рос довольно хилым ребенком, переболел множеством детских инфекций, рахитом, однако к школе выправился, окреп и болеть перестал. Но это все еще впереди...

Михаил Амосов сразу ушел на фронт. А через полгода перестали приходить от него письма, «пропал без вести». Но после восьми месяцев молчания пришло известие – из Германии, где он был в плену. Дважды пытался бежать, но неудачно. Из Германии Амосов-старший вернулся только в начале 1919 года, помог Международный Красный Крест. Николай Михайлович вспоминал: «Смутно помню: комната, яркий свет, надо мной стоит мужчина – он кажется огромным. И чужим. Таким и остался для меня на всю жизнь».

После войны и революции хозяйство было в полном упадке – осталась одна корова да куры. Работать было некому: бабушка постарела, мать была занята работой акушерки и заниматься хозяйством могла лишь урывками, нанимать работников со стороны было не на что. Михаил Амосов начал было поднимать разрушенное, он многому научился у немецких фермеров, даже организовал в Ольхове потребительский кооператив и маслобойню, которая просуществовала до 1936 года. Но очень скоро уехал из села – его пригласили в Череповец на ответственную и солидную должность председателя губсоюза кооператоров. Он думал, что благодаря новой работе поднимет разрушенное хозяйство, которое находилось в полном упадке, – был куплен новый плуг, кое-что из техники, лошадь, снесена старая «зимовка», начато строительство нового хорошего дома (он так и не был достроен)... Увы, ничего из этих планов не вышло.

Сначала Михаил приезжал в Ольхово каждую неделю, работал по хозяйству, но позже стал выпивать и изрядно, напряжение в семье росло. Вскоре стало известно, что у отца появилась другая женщина. Семья развалилась.

Михаил Амосов был отправлен работать в районный центр Шексна, так как его пристрастие к выпивке мешало работе в Череповце. Он пригласил в Шексну жену и сына, но туда же одновременно с ними приехала и его любовница. Все стало явным, скрывать новые отношения уже не было смысла. Взрослые окончательно приняли решение расстаться. После этого отец долго не приезжал к Елизавете и сыну. Все знали: они расходятся. Бабушка, тетки и дяди – сестры и братья Михаила – встали на сторону покинутой жены, поддерживали как могли.

Николай тяжело переживал развод родителей, ведь окончательный разрыв произошел на его глазах. Безусловно, он был на стороне матери, жалел ее. Позже Амосов так писал о тех событиях: «Мама плакала. Днем мы сели в поезд и поехали в Череповец. Это был мой первый поезд. Всю дорогу я простоял у открытого окна и о родителях думал мало. Маму было жалко, но, может, это и хорошо, что он ушел? Мне не повезло с отцом. Простить ему никогда не мог, хотя лично мне он был не нужен: ушел, ну и ладно. Мама же осталась!»

Уйдя из семьи, Михаил Амосов принимал определенное участие в том, чтобы поставить детей от первого брака на ноги, выделил содержание Николаю, когда тот пошел учиться. Мария, которую Михаил удочерил с момента брака с Елизаветой, жила с ним в начале двадцатых годов в Череповце, там заканчивала среднюю школу, и жилось ей непросто. Характер у нее был трудный, а к отчиму приходила любовница, и они устраивали попойки. Мария вспоминала это время с ужасом и отвращением. Можно только представить себе эту атмосферу. Как только в 1924 году Мария поступила в институт, она стала жить самостоятельно.

В новой семье у Михаила Амосова родились два сына. Однако судьба его была печальна – здоровье было расшатано алкоголем и в 1930 он заболел – ослеп. С диагнозом «атрофия зрительного нерва на почве алкоголизма» его лечили в Ленинграде. Поначалу наступило некоторое просветление и он снова начал работать, но в 1931 году Михаил умер, видимо, от болезни сердца. Позже Николай Амосов писал, что мама все отцу простила и очень его жалела.

Возможно, тягостный развод родителей или подсознательный страх матери потерять младшего и болезненного ребенка привели к тому, что детство маленького Николая было необычным для деревни: держался он замкнуто, общался только со своими двоюродными сестрами, да и то редко. Гулять тоже не любил: его чуть ли не силой выгоняли «дышать воздухом», особенно зимой. Амосов впоследствии писал, что это, может быть, и сыграло положительную роль: «Одиночество формировало разум. Теперь говорят о „развивающих играх“, вплоть до компьютерных. У меня не было даже игрушек, разве что глиняная свистулька от приезжих торговцев горшками, продающих с возов».

Так Николай и пошел в школу: одинокий, без друзей, ведь даже соседских детей он видел лишь издали. «Прямо – барчук! Читать-писать не умел. Помню только, что много рисовал, фантазировал». Но школа стала для мальчика событием. Учителей было мало, и одна учительница учила два класса: первый и третий. Амосова посадили со старшими, с третьеклассниками, т. к. первый класс был переполнен и мест там не было. Николай же быстро выучил буквы и стал читать не хуже сидящих рядом третьеклассников. За три месяца он освоил «Робинзона Крузо».

Но поначалу школа ему не нравилась: много шума, ребята все незнакомые, озорничают, контакта ни с кем у Коли не было, даже на переменах он старался не выходить из-за парты. Но к зиме освоился. А в первое школьное лето «барство» окончательно слетело: все дни он проводил с новыми товарищами, бегали босиком, ловили рыбу – в общем, почувствовал все радости деревенских мальчишек вне зависимости от эпохи. Как потом вспоминал Амосов, ничего выдающегося в его деревенском детстве не было – река, лес, луг, игры. Лидером по части забав Коля не был, но его уважали, он хорошо учился. Летом как всегда много работы: сенокос, жатва, молотба – с момента ухода отца Николай стал главным работником в семье.

Несмотря на детскую активность, Амосов все равно остался неловким, как потом он признавал сам: «Своевременно не были отработаны „двигательные программы“. Не научился пла-

вать, не дрался, плохо играл в городки, в лапту, не умел ездить на велосипеде, танцевать. Всегда ощущал свою неполноценность. Удивляюсь, как это стал хирургом: ручная все-таки работа!»

Когда Амосов пошел во второй класс, открыли новую школу – за километр. Добираться туда было сложнее, но мальчишки воспринимали это как новую игру с приключениями: зимой – метели, сугробы, весной, в половодье – на лодке. Амосов вполне прилично овладел веслами, даже научился грести на байдарке, как он сам признавал, вполне профессионально!

Как уже упоминалось, Амосов учился хорошо, но при общей бедности школы делать это было нелегко – не было учебников, бумаги, а у молоденьких учительниц – умения преподавать. Впрочем, первую учительницу Серафиму Петровну он вспоминал с удовольствием. В четвертый класс Амосов с товарищами пошли учиться в «министерскую» школу на противоположном конце села. Там тоже поначалу не обошлось без трудностей: село было большое, и мальчишки с «того края» дрались с «этим краем». Но Николай уже прочно «был в коллективе», со «своим краем», и подростковые «разборки» не очень мешали школьной жизни.

Скоро все изменилось, неорганизованная вольница закончилась, и в воспитание детей вмешалась партия: в 1924 году был создан отряд пионеров. Наступила очень интересная жизнь, у Амосова появилась первая должность – заместитель вожатого отряда. Как он иронизировал в «Голосах времен»: «Такое хорошее было партийное начало – и не получило продолжения!» Партийная карьера на пионерах и закончилась – ни в комсомоле, ни в партии Амосов не был, хотя его активно агитировали вступать, но он оставался непреклонен – был единственным беспартийным директором института в советские времена.

Общественная работа в школе кипела – сборы отряда, «проработки» нерадивых, походы, стенгазета. Амосов даже участвовал во взрослом драмкружке, а на митинге к седьмой годовщине Октября читал стихи на площади! Во время учебы в школе Амосов организовал школьный кооператив по продаже книг. Идею подал знакомый отца, сам кооператор, коммунист со стажем и бывший эмигрант. Амосов вспоминал, как это было: «Как раз в тот год было наводнение в Ленинграде, пострадало много товаров, в том числе и книжные склады. Он прислал нам для кооператива ящик подмоченных и уцененных книг на сто с лишним рублей. С них мы и разжились, распродали с прибылью, выплатили долг и приобрели новый основной капитал. Правда, потом торговля шла слабо, но все же тетрадки и карандаши получали из кооперативных каналов».

В 1926 году закончилось детство, как признавал Амосов, счастливое, и началась взрослая жизнь – по его же словам, довольно грустная. Нужно было учиться дальше, для этого надо было после окончания начальной школы ехать в чужой город – Череповец и поступать в школу второй ступени.

Николай вместе с матерью приехал из Ольхова в Череповец – держать экзамен. Он вспоминал, что был спокоен, уверен и не волновался. Поступающие что-то писали, решали задачи, на этих экзаменах Амосов познакомился с леней Тетюевым, ставшим ему верным другом на целых сорок лет.

Вернувшись в Ольхово, Амосов ждал извещения о приеме. Позже писал: «думалось: хотя бы не приняли. Но тут же: надо! И так пошло на всю жизнь: Надо! Надо!» Он поступил.

Период жизни в Череповце Амосов вспоминал как очень тяжелый. В отрыве от матери, от привычного быта, друзей, в одиночестве и лютой тоске по дому – адаптация шла очень тяжело. «Почти весь период в Череповце прошел тоскливо, в одиночестве, со скучными слезами. Не было счастья. Полегчало лишь в последние годы, когда появились новые интересы», – вспоминал Амосов.

Мать поселила его к своей лучшей подруге Александре Николаевне Доброхотовой, которая вернулась в город и работала в школе. Александра Николаевна жила одна, имела маленький домик: две комнатки и кухня с низкими потолками. Учителя жили нищенски, хуже, чем семья Амосовых в деревне, – спасал огород, электричество было дорого, дом освещался керо-

синовой лампой, пищу готовили в русской печке. Обязанностью Николая было носить воду от колонки, колоть дрова, чистить тротуар.

Александра Николаевна была прекрасным человеком и отличной учительницей. К ней часто приходили такие же одинокие, как она, коллеги, и разговоры были только об учениках. Амосов писал: «Вспоминаю ее, маму, их подруг – и умиляюсь, до чего все-таки люди были преданны своему делу!»

Отец, хотя и жил отдельно, в новой семье, давал сыну 15 рублей в месяц (пять рублей – плата за квартиру и 10 – на питание). За деньгами Николай ходил к отцу на работу два раза в месяц. Он вспоминал, как тягостны были для него эти походы, каждый раз хотелось вернуться и никогда больше не приходиться, не чувствовать себя униженным просителем. Но куда денешься? У матери денег не было – сестра Амосова Мария училась в институте. Десяти рублей едва хватало на скудное питание (хлеб без масла, каша, чай, сахар вприкуску, витаминов мало, поэтому весной часто обострялись симптомы авитаминоза), но отец никогда не предлагал больше, а сын никогда не просил. Все закупки он делал сам, все было рассчитано до кусочка хлеба, укладывался копейка в копейку: педант с детства – называл себя Амосов.

Он потом писал, что жил невесело, но не скучно: вставал в семь, ложился в десять, ни разу не нарушил режима, за все годы своего учения не было ни одного пропущенного урока, только сильно тосковал по матери и по дому (каждые две-три недели обязательно бывал в Ольхове, осенью и весной – на пароходе, зимой ходил пешком – 25 км). Но все скрашивали книги. Читал Амосов, что называется, запоем, книг было много – в школе была собрана хорошая библиотека. Любимый предмет – литература. Читал все и даже больше, сверх программы, учиться нравилось: все легко давалось, он был первым, даже старостой класса, ему доверяли вести журнал посещений, уроки он не готовил – заданий было мало и Николай все успевал делать в классе. В школе многие учителя были дореволюционной выучки, но, как вспоминал Амосов, «правильно писать не научили – до сих пор ошибки делаю».

Нелюбимым предметом была физкультура. Мальчик стыдился своей неловкости, хотя был сильным, из-за этого хитрил и даже сбегал с уроков. В драках не участвовал, с ним не связывались, потому что он был сильный, а сам не задирался. Уроки пения тоже были не в почете, Николай петь особенно не умел: ни слуха, ни голоса в себе не находил, музыку не слушал, т. к. электричества и радио у Александры Николаевны не было.

Вне школы с ребятами Амосов не общался, как-то не сложилось такого дружного коллектива, как дома, в Ольхове. Первые четыре года домашних друзей у него совсем не было, только в школе, пионеры не понравились, а в комсомол поступать он даже не пробовал.

Порядок был такой: придя из школы, Николай обедал, мыл посуду и – читать. Чтение было для него «одной, но пламенной страстью». Амосов был записан в трех библиотеках: детской, взрослой городской и школьной, везде он был активным читателем. Кроме того, в чулане у Александры Николаевны хранились «приложения к „Ниве“» за несколько лет – собрания Горького, Куприна, Андреева, Бунина, Сервантеса, Золя. Комплекты прочитывались от и до. Амосов активно читал всю новую литературу, которая приходила в городскую библиотеку, – в 20-х годах еще многое свободно печатали, была, конечно, цензура, но не такая, как в более поздние времена. Кумиром молодежи был Есенин, но Амосову больше нравился ранний Маяковский, «Облако в штанах» Николай мог читать по памяти и в преклонные годы. Позже он писал: «Вся моя „образованность“ выросла из беллетристики, научных книг читал мало, разве что историю». Особенно запомнилась Амосову толстая «История Великой французской революции» Карлейля, которую он зачитал до дыр. В те годы историю как предмет в школе не преподавали, ее место занимало «обществоведение». Амосов вспоминал: «Я был „за революцию и социализм“, мама и Александра Николаевна – „в основном“ тоже. Верили, что власть – для народа, и надеялись на будущее. О ЧК говорили шепотом».

В 1928 году Амосов перешел в восьмой класс. Как он сам записал, «на границе 15—16-ти лет я сам и жизнь, и страна изменились». Закончился нэп, началась коллективизация: частное хозяйство ликвидировали, организовали колхозы. В классе Амосова учились не только рабоче-крестьянские дети, но и «лишенцы» – дети, у которых родители относились к «нетрудовым элементам», лишенным избирательных прав, так называемым «бывшим» – дворянам, купцам, кулакам, священникам. Амосов вспоминал, что в классе все знали о таких детях, но по отношению к ним не было травли, их не подвергали «дискриминации». Хотя, безусловно, политическая жизнь бурлила вокруг, и даже мальчишки знали, что такое планы индустриализации, первая пятилетка, «вредители», «левый уклон» – Троцкий, «правый уклон» – Зиновьев, Бухарин, Рыков. Но пока их ругали только на словах, осуждали, но не судили. Позже политика стала изменять жизнь вокруг активнее: началась борьба с кулаками – сначала налогами, а потом раскулачиванием. Партия даже восьмиклассников посылала читать «Головокружение от успехов» мужикам в села, заставляли и Амосова, хоть он был далек от политического энтузиазма. Он видел, как на рынках в Череповце и селах ломали ларьки и магазинчики частных, за год все товары исчезли, были введены талоны, а потом и карточки. Мать Амосова в колхоз не вступила, она определилась как служащая и ликвидировала хозяйство, к этому уже давно шло – работать в нем было некому. Амосов с матерью жили в новом маленьком домике – маминой личной собственности после развода. В 1929 году сестра Маруся окончила институт и уехала работать на врачебный участок за 20 км. Амосовы тогда окончательно отказались от материальной помощи отца.

В школьных делах Николая тоже были новости: программа поменялась, после 7-го класса многие ученики отсеялись, и из двух классов был создан один. В средних школах ввели специализацию – в школе Амосова она была «лесотехнической»: лекции читали инженеры из леспромпхоза. Всё это было ново и интересно: незнакомые предметы, походы «в поле» – работать с приборами на практике.

ЮНОСТЬ. ТЕХНИКУМ И ПУТЬ В МЕДИЦИНУ

В 1930 году окончились школьные годы. Вместо 9 класса учеников распределяли: либо в Череповецкий механический техникум, либо в Ленинград (в Ораниенбаум) – в лесной. Череповецкий механический техникум был основан еще в XIX веке, тогда он назывался Александровским техническим училищем и выпускал механиков. Теперь, когда индустриализация страны вдохнула новую жизнь, в его стенах стали готовить техников для лесной промышленности и электростанций. В этот техникум и поступил Амосов. Из вчерашних школьников создали отдельный класс, зачислили на второй курс. «Школьников» стали ускоренно обучать, чтобы те смогли догнать основных студентов-«техников». Занимались по восемь часов: математика, физика, химия, механика, черчение, потом начались спецпредметы – паровые котлы, машины, турбины... Амосов писал: «Техника мне понравилась, читал по паровым турбинам, котлам, дизелям. Изобретал машину для укладки досок в стопы. Делал чертежи».

Учиться было тяжело, но интересно, к тому же начислили стипендию – целых 30 рублей! Богатство по тем временам.

Год учебы пролетел, но темпы индустриализации вносили коррективы. Требовалось ударно заканчивать пятилетку, студентов-«техников» отправили на «ликвидацию прорыва» в лесопильные заводы на север, за Белое озеро, на Кемском заводе остро не хватало рабочих. Работа была тяжела и однообразна – отвозить доски на вагонетках и складывать в стопы. «Сначала было очень тяжело, – вспоминал Амосов, – к обеденному перерыву уже вымотан, а после еще четыре часа тянуть. В общежитие сначала приходил чуть живой. Потом втянулся. С ужасом представил: а если так всю жизнь? Понял, почему культурные рабочие шли в революцию – завидовали. И я бы пошел».

Но именно тогда определились основные приоритеты жизни будущего ученого: «Первым делом всегда была работа, вторым – страсть к выдумыванию, конструированию. К науке? Я всегда стеснялся называть себя ученым. Но всю жизнь создавал модели, рисовал схемы, чтобы понять суть системы. Началось еще там на первом курсе, на „прорыве“, в завшивленном общежитии уже выдумывал „автомат для укладки досок в стопы“. Потом за жизнь еще много было изобретений, малых и больших. Довел до практики только одно, но очень серьезное: АИК, аппарат искусственного кровообращения, но это было через 20 лет». На самом деле потом, уже став хирургом, Амосов спроектирует не только аппарат АИК, но и впервые в мире создаст и применит модель специального клапана сердца, а в последние годы в его работах большое внимание уделялось проблемам биологической кибернетики. Фактически Амосов как ученый стал одним из первых и самых активных и последовательных поборников кибернетизации медицины. Так «страсть к выдумыванию и конструированию» даст толчок новым направлениям в науке будущего.

После «прорыва» снова началась учеба. Амосов отмечал, что все как-то очень и разом повзрослели. Досуг проводили на квартире его друга Леонида Тетюева, где собиралась молодежь, все приходили, вели разговоры, спорили, даже собрали струнный квартет.

С осени Амосова – одного из успешных «школьников» – перевели к «техникам»: их предполагалось выпустить досрочно, пятилетка требовала. Последний год учебы завершился практикой – полгода на лесопильном заводе в селе Луковец. Сразу после практики «техникам» объявили, что учение кончилось.

В 1932 году Николай Амосов был распределен в Архангельск на лесозавод имени Молотова. Как он сам подводил черту: «Юность закончилась. Счастливая? Пожалуй – да».

На электростанции в Архангельске Н. М. Амосов проработал механиком три года. Электростанция давала ток в общую сеть города и лесозаводов. Таких заводов было пятнадцать, их называли «валютным цехом страны» – доски пилились на экспорт. Тот, куда приехал Николай,

был самым большим, «стройкой пятилетки». Амосова взяли на штатную должность сменного техника, иначе – сменного мастера, или сменного механика – командира над всей сменой, как вспоминал с иронией Амосов, «можно назвать и совсем пышно – „начальник смены“. до нас они все были из рабочих (вот были времена – начальник в 18 лет!)». В обязанности сменного мастера входило обеспечение выполнения графика нагрузок, чтобы электростанция исправно выдавала требуемую мощность.

Освоение профессии прошло успешно и довольно быстро. Парогенераторы электростанции работали на древесной щепе и опилках – отходах после распиловки бревен на лесозаводах. Щепа подавалась на станцию к котлам и на склад по ленточным транспортерам. Они тянулись через заводской двор на высоких столбах. Для работы на складе была команда из двенадцати девушек во главе с их «бригадиршей». И эта топливоподача доставляла больше всего хлопот. Топливо не экономили, щепа была в избытке, ею засыпали территорию поселка, весь завод и поселок стояли на щепе слоем больше двух метров.

Все проблемы коренились в неритмичности: даже если лесозавод простаивал, все равно энергию в сеть надо было давать, начинался аврал, особенно зимой в часы пик – утром и вечером. И после единственной недели стажировки вчерашних студентов-«техников» поставили работать наравне со «взрослыми». Впрочем, молодежь втянулась быстро, Амосов потом вспоминал, что работа была ответственной, но не очень сложной, главное – не растеряться в критических ситуациях. Позже, уже будучи заслуженным хирургом, он писал о первой своей аварии на станции: «Помню первую аварию ночью. Лампочки начали ярко светиться, машинист кричит: „Сейчас вырубят!“ Это значит, наш участок сети отключился от системы, нагрузка упала, и срабатывает автомат, турбина отключилась. Тут начинается настоящий ад – свет гаснет, предохранительные клапаны на котлах травят пар под крышу со страшным свистом, дымоходы останавливаются, пар, дым и искры заполняют всю котельную. Молодые рабочие убежали от котлов на улицу. А ты – командир, за все в ответе! Конечно, у каждого рабочего на такой случай инструкция, но нужно, чтобы они не растерялись, сделали все как положено. В первый раз я тоже испугался, толку с меня было мало, в полутьме заблудился на лестницах, но все обошлось – ребята дело знали. Потом уже не боялся. Если сравнить с кровотечением при операции на сердце, которые проводил спустя четверть века, такая авария – детская забава».

Амосов первую зиму в Архангельске вспоминал как адаптацию к быту, освоение профессии, человеческих отношений. Несмотря на дружный коллектив и хороших товарищей по работе, не хватало одиночества – жил он еще с тремя рабочими в комнате, тяготило то, что редко удавалось одному подумать, кто-нибудь всегда разговаривал. И конечно, снова книги, книги, книги. На заводе была очень приличная библиотека.

К тому же в эту первую зиму Амосову доверили важное дело: заниматься с рабочими, готовить их к сдаче техминимума. Сначала он учил кочегаров, потом машинистов – они были молодые, с тремя-четырьмя классами начальной школы, семилетка среди рабочих тогда считалась «образованием» и была чуть ли не редкостью. Учились у него с удовольствием, занятий не пропускали, комиссия принимала экзамены. Амосов писал: «Все волновались, я тоже. От кочегаров началось мое преподавание и на всю жизнь».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.